

INSPIRIA

II

18+

Не доверяй, чтобы выжить.
Доверься, чтобы победить

ЭНЧАНТРА

тринадцать клятв

КАЙЛИ СМИТ

INSPIRIA

Inspira Ромэнтэзи. Темные хиты Буктока

Кайли Смит

Энчантра. Тринадцать клятв

«ЭКСМО»

2025

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Смит К.

Энчантра. Тринадцать клятв / К. Смит — «Эксмо»,
2025 — (Inspiria Ромэнтези. Темные хиты Буктока)

ISBN 978-5-04-248969-3

ВОЗВРАЩЕНИЕ В МИР ФАНТАЗМЫ. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ЭНЧАНТРУ. ПРОКЛЯТЫЙ ОСОБНЯК, ГДЕ КАЖДОЕ ОТРАЖЕНИЕ ЖАЖДЕТ КРОВИ. Семь бессмертных. Одна невеста. Двенадцать часов охоты. Хочешь выжить: не доверяй сердцу. Женестьева Гримм приехала в Энчантру за ответами о прошлом семьи, но оказалась в западне. Теперь она законная добыча в кровавом шоу. Правила жестоки: прячься или убивай. Ее спасение — фиктивный брак с Роуином Сильвером, холодным стратегом с темными тайнами. Но чем дольше они играют в любовь на публике, тем сложнее отличить жажду выжить от настоящих чувств. «Соскучились по пикантному романтическому фэнтези в духе "Игры на выбывание"? Тогда вам в Энчантру! Вместе с Женестьевой Гримм пройдем через раунды смертельной Охоты, где самое сложное испытание — не влюбиться в холодного Роуина Сильвера... Мой низкий поклон автору!» — Алиса Джукич, автор романа «Яд ночи» и цикла «Инферно»

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-248969-3

© Смит К., 2025

© Эксмо, 2025

Содержание

Пролог. Тьма	8
Начало	9
1. Предвестники	9
Канун весеннего равноденствия	13
2. Приглашение	13
3. Ягоды	18
4. Радужный прием	23
5. Спектр	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Классификация духов

Духи тени

Самый распространенный тип духов, способны контролировать тени и превращаться в тени, чтобы перемещаться сквозь тьму с огромной скоростью. Их тени обладают целительными свойствами. Восполняют запас магии крепким сном.

Духи света

Контролируют свет и огонь и иногда способны использовать свет, чтобы перемещаться на большие расстояния. Обладают способностью быстро исцелять других. Используют солнце, чтобы восполнять запас магии.

Духи крови

Способны контролировать и использовать кровь. Кроме того, способны контролировать других, давая им свою кровь. Восполняют запасы магии, высасывая энергию из других живых существ.

Духи пустоты

Самая редкая разновидность духов. Могут становиться невидимыми и делать невидимыми других, а еще контролировать свет и тени. Способны открывать порталы между разными местами и линейными планами, а также на короткие промежутки останавливать время, хотя это стоит им колоссальных усилий.

Пролог. Тьма

Ад был соткан из клубящейся тьмы и тайн, как и мужчина перед ней.

– Я тебя ненавижу, – процедила она, когда чернильные щупальца магии из его рук обвились вокруг ее запястий и горла и пригвоздили к стене лабиринта. Чувственная энергия, всегда искрящаяся на коже, стоило ему приблизиться, заставила ее стиснуть зубы и сопротивляться влечению, медленно разгорающемуся в крови. Когда его тени окутывали ее в прошлый раз, на них обоих было гораздо меньше одежды. Он последовал за теньями, неслышно подходя все ближе, пока не прижался грудью к ее телу.

– Любовь. Ненависть. Лишь разные имена одной страсти, – сказал он. – Как легко и быстро порой стирается грань, верно?

– Нет, – вскипела она. – Мне всегда будет кристально ясно одно: я тебя *ненавижу*.

Он медленно склонился к ее уху.

– Докажи.

Начало

1. Предвестники

Впервые Женеьеву Гримм настигли в самом сердце Рима.

Поначалу вороны появлялись по одному. Их карканье сопровождало Женеьеву во время утренних прогулок в кондитерскую, ставшую ее любимым местом для завтрака. Пирожные с джемом – одна из вещей, по которым она будет ужасно скучать, когда покинет Рим и шагнет навстречу неизведанному будущему.

Последнюю неделю она каждое утро собирала и разбирала чемоданы, переживая, что выбрала не те платья, забыла любимые духи или что-то еще, что, по ее мнению, могло произвести лучшее первое впечатление. Днем она исследовала город, стараясь охватить все важные достопримечательности. Нужно было создать видимость прогулки по плану, иначе бы Офелия сразу поняла, что сестра свернула с маршрута.

По крайней мере, Женеьева придумала такое оправдание для себя.

На самом деле она просто тянула время. Подозревала, что было ошибкой возлагать столько надежд на незнакомца, который даже не догадывался о ее существовании. Или хотела дожидаться явного знака, прежде чем рушить тщательно продуманные планы сестры.

Несколько дней назад, за завтраком в кондитерской, она впервые заметила, что вороны ведут себя странно. Один из дьяволят наблюдал за ней с цветущего розового олеандра, пока она потягивала горячий шоколад и листала книгу, гримуар из коллекции Офелии, который тайком спрятала в чемодан. Она глянула на птицу – у той во взгляде было нечто слишком осознанное. Нечто неестественное. Но ей и в голову не пришло, что оно может оказаться сверхъестественным.

Как и то, что пернатые создания станут настоящими вестниками рока.

Однако на следующий день к первому ворону присоединился второй – они перекрикивались, пока Женеьева шла на блошинный рынок Порты Портезе и обратно, в дом, который Офелия арендовала на время поездки. Уже вечером парочка превратилась в трио – они стучали клювами в окно ее спальни до глубокой ночи.

Но хотя с птицами явно было что-то не так, Женеьева по-прежнему не желала признать своих подозрений касательно причины их преследования. Только после посещения Колизея, где ее лицо должно было затеряться в море однообразных туристов, игнорировать воронов стало невозможно.

Женевьева оделась как можно скромнее, надеясь поменьше привлекать нежелательное внимание птиц. Выбрала платье из нежно-розового шифона с очаровательными воланами на подоле и рукавах, а распущенные золотисто-каштановые локоны собрала в простой пучок. Перчатки или украшения она надевать не стала – вороны, как и она сама, слишком любили блестящие вещи.

Ее усилия оказались вознаграждены – прогулка до древнего амфитеатра прошла без происшествий. Она размеренно шла, удаляясь от дома, и не замечала ни одной пернатой бестии. Они не беспокоили ее и во время экскурсии по великолепному строению.

Но когда солнце окончательно скрылось за горизонтом и теплые золотые краски вокруг превратились в холодное серебро, Женевьева вышла на улицу со своей туристической группой, и карканье зазвучало вновь. На каждой крыше и каждом фонаре сидело по ворону – вряд ли она когда-нибудь забудет, как сотни пронзительных взглядов выпепили ее лицо из шумной толпы. Как и жжение в легких, когда она бежала по булыжным мостовым Рима, а птицы гнались за ней, неистово крича и хлопая крыльями.

Вороны не причинили ей никакого вреда, не оставили ни единой царапины, пикируя пугающе низко и заставляя толпу вокруг нее кричать от ужаса. Они не выдернули из ее головы ни единого волоса. Лишь создавали неотвратимое ощущение спешки.

Она ждала знака и, несомненно, его получила.

– Я поеду! – крикнула она птицам. – Просто чуть позже!

А потом они все же подлетели слишком близко – их крылья задевали волосы, спину, юбки – и принялись все быстрее подталкивать ее к дому.

Женевьева пробежала по дорожке к входной двери, нащупала в кармане плаща позолоченный ключ, а птицы кружили в воздухе, начиная усаживаться на подоконники и балкон. Она вставила ключ в замок, услышала щелчок, протиснулась внутрь и повернулась к лестнице.

«Мне просто нужен был знак, – мысленно увещевала она себя. – Теперь откладывать больше нельзя».

Женевьева распахнула двери в главную спальню и затащила на кровать чемодан. Она поморщилась, когда услышала отчаянный стук. Когти царапали стекло, и дом наполнился скрежетом – за окнами трепетали чернильные перья. Выбрасывая на кровать платья, юбки и нижнее белье, Женевьева пробормотала:

– Оно где-то здесь.

Когда она добралась до дна чемодана и вытащила искомый предмет, стук смолк.

Это был черный конверт с филигранным тиснением: завитки на сверкающей серебряной фольге. На сургучной печати красовалась ветка с шипами, покрытая дикими розами и ягодами, с большой буквой «S» посередине. Внутри лежал бархатистый пергамент – самая роскошная бумага, что когда-либо попадала ей в руки, – с изящно выведенными насыщенно-сапфировыми чернилами словами. Женевьева вытащила письмо из уже вскрытого конверта, развернула, и на плечи опустилась тяжесть. Кровь закипела, когда она снова его перечитала.

От управляющего Энчантры
Дражайшая Тесси,

Прошу простить, что тебе пришлось так долго ждать моего ответа. Ситуация в моей семье усложнилась с годами, и боюсь, я потерял счет времени. Не хочу утомлять тебя деталями.

Знаю, нам нужно многое обсудить, даже помимо тем, которых ты касалась в письмах, и я должен настоять, что нам следует сделать это лично.

Должен выразить глубочайшие сожаления, что наше общение оборвалось и я не выходил на связь до нынешнего момента, но теперь я очень хочу исправить свои ошибки.

Прилагаю небольшой подарок на дорожные расходы. Пожалуйста, не сочти за благотворительность, а то я тебя знаю, но поскольку у меня денег больше, чем я – и весь мой род – могу потратить, это самое меньшее, что я могу предложить для продолжения нашего знакомства. Знаю, скоро весеннее равноденствие, но я настаиваю – приезжай до его кануна, когда у меня будет небольшой перерыв от обязанностей перед Ноксом. Я прямо-таки настаиваю на твоём визите. К тому же как раз идеально поспеет демоника.

До очень скорой встречи,
твой старый друг,
Баррингтон Сильвер

Когда она впервые открыла письмо дома, то заметила: чернила в некоторых буквах слегка растеклись, и части некоторых слов казались толще остальных. Между строк проступила до боли знакомая фигура.

Ворон.

– Проклятые птицы, – пробормотала она.

Теперь предзнаменование стало очевидным – как и ощущение, исходящее от пергамента. Легкая вибрация тепла – именно то, что она училась распознавать последние месяцы. Магия.

Знаю, скоро весеннее равноденствие, но я настаиваю – приезжай до его кануна.

Женевьева собиралась уехать из Рима заблаговременно, до равноденствия, но волнение и все эти достопримечательности...

Лучше поздно, чем никогда, верно?

Она засунула приглашение обратно в дневник и захлопнула чемодан. Пора.

Грохот за спиной достиг апогея: клювы стучали по стеклу с такой силой, что Женевьева удивлялась, как оно еще не разбилось. Вороны оглушительно каркали и бешено хлопали крыльями в такт ее сердцу.

– Уже иду, – проворчала она, стаскивая с кровати почти неподъемный чемодан.

Но когда она наконец обернулась, готовая выйти, птицы исчезли.

Канун весеннего равноденствия

2. Приглашение

Лучи послеполуденного солнца проникали в окно, окутывая спальный вагон первого класса чарующим золотистым светом. За окном проносилась сельская Тоскана – пожалуй, ничего прекраснее ей видеть еще не доводилось. Но Женевьева на нее почти не глядела: нервы были на пределе, ведь поезд приближался к цели.

Последняя тележка с обедом прокатилась по коридору мимо ее купе – звон стаканов и тарелок медленно затих. Женевьева нетерпеливо постукивала ногой, дожидаясь следующей остановки.

Путешествие по итальянской провинции оказалось неудобным, изнурительным и, что самое страшное, ужасно скучным. Сначала она пыталась перечитывать книги из чемодана, но, убедившись, что нашествие воронов могло быть результатом магического воздействия, известного как сглаз, быстро заскучала.

Протянув правую руку к левой, она попыталась потрогать кольцо, снова забыв, что больше его не носит. И с разочарованным вздохом уронила руки на колени. Оказаться запертой в четырех стенах без единого интересного собеседника – личная версия ада для Женевьевы. Она натерпелась одиночества, пока росла в поместье Гриммов.

В то время, когда покойная мать, Тесси Гримм, обучала ее сестру искусству некромантии, Женевьева сидела взаперти и могла говорить лишь с мягкими игрушками да куклами. Как старшая, Офелия унаследовала магию матери, и Женевьеве потребовались годы, чтобы осознать, как сосредоточенность их матери на Офелии заставляла ее саму чувствовать себя единственным ребенком. И вызывала постоянную потребность быть в компании. Или в чужой постели.

Женевьева привыкла скрывать свою магию – боялась, что мать узнает о ее силе и начнет опекать, как Офи. Она решила, что не желает иметь ничего общего с диковинным миром Тесси Гримм. А потом, всего несколько месяцев назад, их мать умерла, и Офелия унаследовала семейное дело. Но Офелия выбрала свой путь и решила использовать статус некроманта иначе: стала помощником для всех паранормальных существ, появившихся на пороге поместья Гримм в последние месяцы – ведьм, призраков, вампиров, дьяволов, – и Женевьева осознала, сколь умышленно наивно она воспринимала реальность.

Опыт участия в Фантазме – адском соревновании, куда они с Офелией попали прошлой осенью, – пробудил в ней желание узнать о паранормальных явлениях как можно больше. Само соревнование не вызвало у Женеьевы особых трудностей. Она знала: ее особый вид магии – унаследованной от их с Офелией отца – позволит легко избежать всех физических ужасов и испытаний в особняке дьявола. Но без магии она, вероятно, не продержалась бы и дня, и это вызывало досаду.

У Женеьевы было множество возможностей рассказать Офелии о новообретенном желании учиться. Но при каждой попытке она осознавала, что не может признаться в собственной глупости. Как долго она бежала от семьи, от себя самой.

И она не была готова признать главную причину, по которой перестала презирать паранормальное. Она больше не пыталась завоевать любовь мужчины, который никогда ее не любил...

Размышления прервал свисток, возвестивший, что поезд прибывает к следующей остановке – во Флоренцию. Ближайший город к ее конечному пункту назначения.

Отражение Женеьевы в окне оживилось.

Она уже близко. Так близко к семье, похожей на ее.

Женеьева залезла в карман плаща и вытащила фотографию. Она нашла ее в комнате матери, среди других памятных вещей из прежней жизни Тесси Гримм – до того, как она обосновалась в Новом Орлеане. Жизни, о которой ничего не знала даже Офелия.

На старом красновато-коричневом снимке рядом с Тесси стоял мужчина – он обнимал ее за плечи, и им явно было очень комфортно друг с другом. Но взгляд Женеьевы всегда притягивали одинаковые медальоны в форме сердца.

С того момента, как Женеьева нашла фотографию, ее терзали вопросы. Она знала: медальон связан с историей ее семьи, и после смерти матери он перешел к Офелии. Значит, мужчина на фотографии тоже некромант? У него есть дети? Может, кто-нибудь из них... похож на нее?

Любопытство росло с годами. И в какой-то момент Женеьева больше не смогла ему противиться.

Она перевернула фотографию и прочитала на обороте имена, написанные изящным почерком матери.

Баррингтон Сильвер и Тесси Гримм.

Раздался новый гудок, и Женеьева засунула фотографию поглубже в карман плаща. Ритмичный стук колес замедлялся по мере приближения к станции, мягкий гул двигателя постепенно стихал – Женеьева встала, чтобы собрать вещи.

В письме приглашали посетить Энчантру до кануна равноденствия, но Женеьева не могла представить, чтобы мистер Сильвер ей отказал. Во-первых, из-за пыла, с которым было написано письмо. На бумаге остались глубокие вмятины – перо почти пронзало ее насквозь. А во-вторых, если он откажется говорить с ней после этой издевательской порчи, вероятно, она захочет его прикончить.

Впрочем, последнее может быть не до конца справедливо. Все-таки приглашение адресовано ее матери, и, вероятно, ей не следовало его открывать. Не говоря о чувстве вины за то, что она начала переписку с мистером Сильвером за несколько месяцев до смерти матери, надеясь восстановить их связь и получить именно такое приглашение. Она отправила шесть писем, подписав каждое именем Тесси Гримм. Но когда ответ наконец пришел, матери уже не было в живых...

Быстрый стук в дверь купе вырвал ее из размышлений.

– Мисс Гримм, – вежливо, с сильным итальянским акцентом поприветствовал ее знакомый проводник, и в его голосе слышалось искреннее тепло. У него были пышные темные волосы и молоджавое лицо. Во время путешествия они обменялись несколькими короткими

фразами – приятный перерыв от изнурительного одиночества. – Хотите, я упакую вам с собой что-нибудь перекусить?

Женевьева покачала головой. Она слишком волновалась, чтобы есть.

– Нет, спасибо, Лука. Но если ты сможешь мне с чемоданом, я буду очень признательна.

Лука кивнул.

– Конечно, мисс Гримм.

Он зашел, забрал чемодан побольше и юркнул обратно в коридор, дожидаясь Женевьеву. Она не стала задерживаться или оглядываться на душное тесное купе и просто последовала за Лукой по узкому коридору, радуясь, что наконец двигается дальше. Пока они шли, бедро неприятно задевало чемодан и стену, а костяшки пальцев больно ударялись о деревянные панели, когда она перехватывала ручку. Единственное, что раздражало на этом континенте, – все вокруг было слишком маленьким для ее пышных форм.

Она обернулась убедиться, что никто не увидит, а потом призвала немного магии и направила в левую руку и к чемодану, заставляя его – и свой кулак – полностью исчезнуть.

Когда они с Лукой наконец добрались до выхода, Женевьева вернула руку и багаж в материальное состояние, пока пассажиры и персонал не заметили странности. Двери поезда с тихим шипением раскрылись – за ними оказались шумный вокзал, уютно расположившийся в центре очаровательного города, пестро одетая толпа и витающий в воздухе цветочный аромат – явные признаки весны, несмотря на внезапно затянувшееся облаками небо. Свежий ветерок обдувал кожу – здесь времена года ощущались иначе. Ярче.

Женевьева подождала, пока Лука спустится на обветшалую платформу и поставит второй чемодан, чтобы помочь ей спуститься. Он слегка поклонился, когда она достала из позолоченного кошелька, висевшего на поясе под плащом, пачку хрустящих купюр. Его лицо озарила теплая улыбка, когда Женевьева вложила одну из них ему в ладонь.

– Было приятно познакомиться, мисс Гримм. Мне будет не хватать вашей яркой компании.

– Безмерно сочувствую тебе, – искренне сказала она и наклонилась за чемоданами, готовая оставить поезд далеко позади. – Постарайся не впасть в слишком глубокую депрессию из-за моего отсутствия в твоей жизни.

Он усмехнулся, а она повернулась и протиснулась сквозь разрозненную толпу путешественников к шеренге безупречно одетых мужчин у входа на станцию. С притворным восхищением окинула каждого взглядом и стала ждать, кто клюнет на приманку.

Первым сдался мужчина средних лет с густой бородой и изогнутой тростью.

– Hai bisogno di un passaggio, bella ragazza? – спросил он.

– Простите, – ответила Женевьева. – Я не очень хорошо знаю итальянский. Вы, случайно, не говорите по-английски?

– По-английски – нет, – ответил он, покачав головой. Поднял трость и указал на другого извозчика, на несколько экипажей левее. – Морелло.

– Grazie, – сказала она и поспешила к мужчине.

Он был всего на пару лет старше нее и хорош собой – с темными, зачесанными назад волосами и карими глазами, прищуренными от широкой улыбки, которой он ее одарил, когда она подошла.

– Вы Морелло? – спросила она, очаровательно улыбаясь.

– Да, – ответил он. – Чем могу помочь?

Она бросила чемоданы к его ногам.

– Я еду по адресу в нескольких километрах от города. У меня есть карта со всеми подробностями.

Она достала нарисованную от руки карту, которую тоже стащила из вещей матери, и протянула ему. Он прикусил губу, и на секунду ей показалось, что он не понял ее чуть протяжного

акцента, но когда его взгляд метнулся вправо, к отцу и сыну, обнимающимся на прощание, она догадалась: он лишь задумался над ее вопросом.

Над головой раздался пронзительный крик.

Женевьева сердито посмотрела на трех воронов, кружащих над ней.

«Я пытаюсь!» – захотелось выкрикнуть ей.

Она отвела взгляд от птиц и откашлялась, привлекая внимание Морелло, – ее следующая фраза сочилась приторной южной медлительностью, которая, казалось, всегда гипнотизировала выбранную цель.

– Обещаю щедрые чаевые, – посулила она. – Возможно, это окажется немного дальше, чем вы привыкли, но мне очень важно, чтобы вы согласились.

Его карие глаза расширились, слегка остекленев, и Женевьева поняла: она вот-вот добьется своего.

Он энергично закивал и наклонился, чтобы подобрать чемоданы. Бросил взгляд на ее руку, явно проверяя наличие кольца, и сказал:

– Без проблем, мисс ...?

– Гримм, – подсказала она.

– Мисс Гримм, – повторил он. – Сюда.

Прошло почти три часа, прежде чем экипаж наконец свернул на длинную извилистую дорогу к имению Баррингтона Сильвера. Женевьева откинула бархатную занавеску и выглянула наружу, любясь романтическим пейзажем. Птицы по-прежнему летели впереди, в небе гораздо более ясном, чем на станции.

«По крайней мере, сейчас они молчат», – подумала она, вновь опуская взгляд к горизонту.

Среди холмов уютно устроился виноградник – словно прекрасное полотно, созданное природой. Многочисленные ряды подвязанных лоз тянулись по тщательно подстриженным полям, цветущие деревья добавляли яркие брызги, а золотистые солнечные лучи пробивались сквозь их ветви. Экипаж ехал дальше, и впереди показались массивные металлические ворота. Закрученные серебристые детали были столь замысловаты, что их витиеватый узор почти скрывал название.

Энчантра.

Экипаж остановился, и Морелло недоуменно позвал ее по имени. Мгновением позже дверь распахнулась, и Женевьева увидела его встревоженный взгляд.

– Мисс Гримм, боюсь, в ваши записи могла закрасться ошибка.

Она подняла бровь.

– Почему?

Он поманил ее рукой и помог выйти из экипажа, хрустя ботинками по гравиию.

Мгновение спустя они оказались перед посеребренными воротами. Взгляд Женевьевы скользнул по колючим лозам, обвивающим стальные прутья, и остановился на необычных фиолетовых ягодах, которые покрывали ветви и усыпали землю у их ног.

Она снова вытащила из кармана приглашение – Морелло с любопытством наблюдал. Как она и подумала, именно эти лозы и ягоды были изображены на сургучной печати.

– Это определенно то самое место, – твердо сказала она.

Морелло перевел взгляд с конверта на имение за воротами.

– Но...

Действительно. Было одно но.

За воротами виднелось лишь бескрайнее пустое поле.

3. Ягоды

– Я могу отвезти вас обратно в город, – заверил Морелло. – Без дополнительной платы. Женестьева продолжала смотреть сквозь ворота. Открывшийся пейзаж чем-то царапал глубины сознания...

– Мисс Гримм? – повторил Морелло.

На мгновение она задумалась: возможно, это знак, и ей действительно стоит принять предложение и вернуться на станцию. И тут за воротами что-то мелькнуло. Как мираж.

Женестьева моргнула, и оно исчезло.

Сверху послышалось воинственное карканье. Женестьева посмотрела на небо – оно почернело, предвещая дождь. Три ворона кружили в бесконечном танце нетерпения.

Она проделала такой путь, рисковала слишком многим и мечтала об этом слишком долго, чтобы возвращаться.

«Меня здесь что-то ждет», – подумала она. Должно ждать.

Расправив плечи, Женестьева повернулась к Морелло и заявила:

– Я не поеду. Благодарю за поездку и надеюсь, что вы благополучно доберетесь обратно до непогоды.

– Но я не могу вас тут бросить, – настаивал Морелло. – Если вам негде остановиться, я...

– Можете и оставите меня здесь. – Она махнула рукой. – Со мной все будет нормально.

– Но вокруг ничего нет, на много километров, – возразил он. – Вы же не думаете, что я брошу леди в глуши.

Женестьева вздохнула. Она забыла, сколь глубоко некоторые мужчины проникаются создаваемой ею иллюзией милой невинности, но сейчас разбираться некогда. Он должен уйти.

Вспомнив пугающие взгляды, на которые были способны ее мать и сестра, Женестьева постаралась придать своему лицу самое леденящее душу выражение. Правда, у нее не было жутких особенностей некроманта – ледяных глаз, бледного лица, – и пришлось использовать собственные навыки.

Дотянувшись до сути внутренней магии, она заставила тело мерцать, то входя в состояние невидимости, то выходя из него, и промурлыкала:

– А кто сказал, что я леди?

Морелло попятился, отшатнувшись, а она продолжала появляться и исчезать. Изумление в карих глазах сменилось ужасом, а все очарование Женестьевы в его глазах явно полностью растаяло.

Женестьева шагнула вперед.

– Если не хочешь стать частью легенд, что шепчут... о мужчинах, которые забредают с прекрасной незнакомкой в глушь и исчезают навсегда... Я советую тебе уезжать. Немедленно.

Морелло слотнул и отступил к экипажу – надо отдать ему должное, он не побегал.

– Наверное, невозможно быть по-настоящему устрашающей с такой милой внешностью, – пробормотала она.

Если ледяной взгляд Офелии часто называли пугающим, то обрамленные густыми ресницами глаза Женестьевы были теплого, манящего небесно-голубого цвета, а ее лицо в форме сердечка покрывали очаровательные веснушки, разбросанные по переносице и розовым щекам.

Не говоря о пышной фигуре – линии ее изгибов оставались мягкими даже в корсете. Детали, которыми раз за разом восхищались ее ухажеры.

Твои веснушки восхитительны.

У тебя самые красивые глаза.

Ты такая милая, и мухи не обидишь.

Она могла поспорить – о последней фразе Фэрроу Генри пожалел. Вряд ли он узнал бы человека, который сейчас напугал Морелло.

А Морелло был действительно напуган – он вскарабкался на кучерское место, забыв об обещанных чаевых, и шелкнул поводьями, чтобы как можно скорее уехать прочь. Когда стук экипажа затих вдаль, его сменило внезапное ворчание неба. Женестьева подняла взгляд, увидела набегающие темные облака и вздохнула. Похоже, ее наряд будет испорчен.

Она повернулась обратно к воротам, снова прищурилась, вглядываясь в даль, сжала серебряные прутья, не обращая внимания на шипы, которые впивались в ладони, и сосредоточилась.

Секунда. И... ага.

Мерцание магии.

– Я знаю, ты там, – прошептала она.

Ее слова словно что-то пробудили: по спине пробежали мурашки от внезапного ощущения, что за ней наблюдают. Она оглянулась, но за спиной была лишь извилистая подъездная дорога и бесконечные ряды виноградных лоз, увитых ягодами.

Пронзительный крик.

Женестьева подпрыгнула, запрокинула голову и увидела большого ворона, севшего на арку ворот. Она с опаской наблюдала, как он начал клевать ягоды, свисающие с резной стали.

К тому же как раз идеально поспеет демоника.

Женестьева протянула руку, сорвала с лозы яркую пурпурную ягоду и поднесла к лицу, чтобы рассмотреть. Не совсем виноград и не совсем черника – но определенно пробуждает аппетит.

– Разумеется, – раздался в голове голос Фэрроу. – В конце концов, ты и сама демон.

Женестьева стиснула зубы.

Она отправилась в Фантазму, отчасти чтобы сбежать от него, но коридоры особняка оказались полны призрачных образов Фэрроу – они таились в каждом затянутом паутиной углу. Его лицо являлось ей посреди ночи, когда она не могла заснуть, и в кошмарах, когда ей это удавалось, и он каким-то образом умудрялся следовать за ней повсюду, отставая лишь на шаг, куда бы она ни пошла, даже когда она сбежала из кровоточащих стен призрачного особняка.

Он отражался в ее горячем шоколаде в каждой кофейне. В пламени каждого камина. В лицах немногочисленных любовников, которые были у нее с тех пор, как он вдребезги разбил ее сердце. Иногда боль от случившегося полностью затягивала Женестьеву, и все, что она о себе знала, казалось туманным. Словно все это время думала, будто дышит чистым воздухом, но вдруг осознала, что на самом деле ее медленно душил дым.

Она надеялась, что избавится от нежелательных мыслей о нем, покинув Новый Орлеан, но когда в сознании промелькнуло тусклое воспоминание о голубых, как океан, глазах, наблюдавших за ней сквозь стену оранжевого пламени, она поняла: никакое расстояние не смягчит боль воспоминаний о нем.

Возможно, некромант – Офелия, но Женестьеву тоже осаждают призраки. Только ее призраки по-прежнему живы.

Забудь о нем, приказала она себе, опуская ягоду на язык и наслаждаясь сладким соком, наполнившим рот, когда она разгрызла оболочку.

– Ммм, – удовлетворенно промычала она.

И сорвала еще одну. И еще.

Ягоды оказались настолько вкусными, что она не сразу заметила изменения вокруг. Когда зрение сфокусировалось снова, последняя сорванная ягода упала на землю из ослабевшей руки – за воротами наконец развеялась волшебная вуаль, которую она видела в воздухе.

Перед ней раскинулся запутанный лабиринт из живой изгороди – пышные зеленые стены, слишком высокие, чтобы разглядеть, что скрывается в центре. Но даже лабиринт не мог заслонить сверкающую серебряную виллу. Главный фасад венчали два квадратных строения, напоминающих башни, – они так высоко поднимались в мрачное небо, что почти целовали облака. Каменный фасад был украшен серебряными жемчужинами и покрыт теми же вьющимися колючими лианами, что и ворота. Женестьева увидела – подъездная дорога продолжается сразу за входом, разветвляясь перед лабиринтом и огибая поместье с обеих сторон. И все было покрыто нетронутой белоснежной пылью.

Снег? Как странно...

Она прижалась к прутьям, словно это могло прояснить зрение, и убедилась, что снег за воротами – не галлюцинация. Серебристый забор огибал периметр, насколько хватало глаз, но взгляд простого смертного не мог охватить всей территории – она не могла точно сказать, насколько далеко простираются владения.

– Видимо, придется пойти и выяснить самой, – сказала она и собралась призвать магию, но помедлила.

Женестьева задалась вопросом – окажется ли это решение столь же бесповоротным, как и некоторые другие. Она понимала: обнаруженное за воротами может ее изменить, а она уже и так сильно изменилась за последний год. Ее отражение в зеркале – совсем не та наивная девочка.

Но именно эти перемены привели ее в Энчантру. За воротами ее ждало нечто большее – ответы, которые она так давно жаждала получить. Она надеялась на историю, которая поможет понять, почему мать никогда не могла дать ей того, в чем она нуждалась. И на дружеское общение, которое позволит почувствовать себя своей за пределами особняка Гриммов.

Пронзительный крик.

Женестьева выпрямилась и сердито посмотрела на ворона, а потом позволила магии расплзтись по венам, растворилась и проскользнула сквозь прутья. Оказавшись на другой стороне, она материализовалась вновь, тихонько прошла по подъездной дороге и повернула направо, чтобы избежать лабиринта.

Мгновение спустя ее снова охватило странное чувство, будто за ней наблюдают. Она замерла.

– Есть тут кто? – позвала она, вглядываясь в густые кусты.

Из-под живой изгороди послышался короткий шорох. И вдруг из зеленой стены выпрыгнула тень – Женестьева вскрикнула от удивления, отпрянула, запуталась в юбках и чуть не рухнула на землю.

Выпрямившись, она встретилась взглядом с парой мерцающих янтарных глаз. Черная лисица.

Животное наклонило голову, замерев в вызывающе самоуверенной позе – сидя на земле и аккуратно скрестив передние лапы. Будто ожидая объяснений, почему Женестьева вторглась на чужую территорию.

– Меня пригласили, – заявила Женестьева, обращаясь к лисице, несмотря на нелепость происходящего. – Видишь, у меня приглашение...

Черное существо бросилось вперед, выхватило у нее бумагу и нырнуло обратно в лабиринт.

– Эй! – крикнула она, схватив лисицу за пушистый хвост, но зверь тут же вывернулся и исчез. – Ты издеваешься?

Женевьева инстинктивно перешла в невидимое состояние и нырнула в зелень. Она оказалась в одном из многочисленных извилистых коридоров лабиринта – лисица ускользнула вправо. Женевьева подобрала юбки и побежала следом.

К счастью, зверь, уводивший ее все глубже, начал замедлять шаг, думая, что находится в безопасности. К сожалению для него, невидимость позволяла довольно легко подкрасться сзади.

Материализовавшись, Женевьева схватила воровку за шкуру и подняла в воздух – та яростно извивалась, пока девушка пыталась вырвать из ее пасти черный конверт. Лисица только сильнее сжала челюсти.

Женевьева цокнула языком.

– Отдай!

Лисица издала низкий пронзительный звук, и пронзительные золотые глаза уставились на Женевьеву слишком по-человечески.

– Не рычи на меня! Ты первая начала, – отчитала она бестию, продолжая вытягивать приглашение. – Если не отпустишь, мне придется...

Прежде чем она успела договорить, лиса и конверт испарились в густом черном дыму. Женевьева недоверчиво моргнула.

«Что, черт возьми, произошло?» – подумала она. Сердце колотилось, она медленно осмотрелась в поисках объяснений.

Пронзительный крик.

Ее взгляд метнулся к небу.

– Кыш! – крикнула она ворону, когда тот опустился слишком низко. С нее хватит. – Я приехала! Ты сделал свое дело! Так что убирайся к черту и...

Договорить она не успела – птица с глухим стуком упала на землю. Женевьева напряженно разглядывала ее набухшее брюхо.

Ягоды?..

– Это не к добру, – пробормотала она, чувствуя, как затуманивается зрение. Она попыталась отступить назад, чтобы покинуть лабиринт, но все вокруг закружилось, а ноги отказались слушаться.

Мгновение спустя мир исчез окончательно.

Что-то холодное и влажное коснулось лица Женевьевы, когда тени слегка отступили с края сознания. Щеку обдало частое, прерывистое дыхание – ее подняли с земли и прижали к чему-то твердому и теплему.

– Фэрроу? – пробормотала она, пытаясь открыть глаза и вырваться из рук. Но у нее не осталось сил бороться, и кто бы это ни был, он казался сильнее Фэрроу. Его запах... резкая мята, сдобренная чем-то сладким... Совсем не похоже на мускусный одеколон, которым обливался Фэрроу.

– *Aruell abon, Umbra*, – пробормотал глубокий незнакомый голос.

И каким-то непостижимым образом Женевьева ясно поняла, что он сказал. Хорошая девочка, Умбра.

Остальные слова разобрать не получилось – тени снова заполонили разум, и все звуки слились в один. Она в последний раз попыталась открыть глаза, чтобы разглядеть незнакомца, но увидела лишь короткую золотую вспышку, прежде чем тьма поглотила ее окончательно.

Кошмар всегда был один и тот же.

Он стоял над ней с зажженной спичкой, а она отчаянно пыталась исчезнуть.

– Ты демон. Жаль, что я тебя встретил. И сейчас ты сдохнешь в огне.

Очнувшись, Женьевва оказалась за воротами Энчантры, рядом со своими чемоданами, без единого воспоминания о случившемся и с горьким привкусом во рту.

4. Радужный прием

Женевьева со стоном села – холод пробирал до костей, и она поморщилась от ужасного привкуса на языке.

– Какого черта... – прошептала она, потирая пульсирующие виски.

Взглянув на ворота, она ничего не увидела, но интуиция подсказывала: что-то не так. Женевьева опустила на колени и наклонилась вперед, прищурившись на странные ягоды, висящие возле прутьев.

В голове мелькнуло воспоминание. Как она сорвала такую ягоду и положила на язык...

Потом вернулось другое. Как она прошла сквозь прутья и увидела сверкающую виллу, а перед ней – зеленый лабиринт. Мертвый ворон. Лисица.

Я лишилась рассудка?

Она глубоко вздохнула, потянулась и схватилась за прутья, пытаясь подняться на ноги...
...и вскрикнула от боли.

Женевьева отдернула руки от металла и прижала к груди, яростно зашипев от ощущения жгучей магии, оставшегося на коже. И вдруг ее сознание полностью прояснилось. Она определенно не лишилась рассудка. Там был ворон. Лисица. Таинственная фигура... несущая ее...

Женевьева поднялась на ноги, опустила взгляд, чтобы отряхнуть платье, и ахнула, увидев, каким грязным и мятым оно стало. Фыркнув, она схватила чемоданы, с твердой решимостью повернулась к воротам и, призвав магию, снова прошла сквозь серебряные прутья. Как только она оказалась на другой стороне, с ее чувств словно спала толстая туманная пелена. Спрятанное поместье вновь предстало во всей красе. Возможно, это воздействие ягод – когда ее вернули на другую сторону, их магия заставила ее забыть увиденное.

– Магия – вечная заноза в моей заднице, – проворчала она, оставаясь в бестелесном состоянии, и шагнула прямо сквозь внешнюю стену зеленого лабиринта. Прошла напрямик через кусты и пустые коридоры между ними и наконец оказалась на противоположной стороне, в нескольких метрах от парадного крыльца огромной виллы. Приблизившись к белым мраморным ступеням, она увидела знакомую «S» на двойных дверях.

Материализовавшись, Женевьева бросила чемоданы, встала на цыпочки и подняла серебряный дверной молоток. Его кольцо представляло собой замысловатый венец из шипастых лоз – их острия впились в ладонь, когда она опустила его с тяжелым металлическим лязгом, возвещая о своем прибытии.

Долгую минуту ничего не происходило. Тишина казалась зловещей, а отсутствие жизни вокруг – тревожным. Но прежде чем она успела потерять самообладание, правая дверь распахнулась. Женевьева затаила дыхание, ощутив странную энергию, которая затрещала в воздухе, когда на пороге появился незнакомец – он прислонился плечом к косяку и окинул ее проникающим взглядом. Янтарные глаза казались удивительно знакомыми.

Незнакомец был сантиметров на тридцать выше ее – весьма достойных – ста шестидесяти пяти сантиметров. Растрепанные черные волосы – чуть длиннее, чем носили мужчины в Новом Орлеане, – беспорядочно зачесаны назад и слегка вьются на концах. Классически привлекательное лицо – квадратная челюсть, острые скулы, идеально прямой нос – возможно, у кого-то другого такая правильность могла показаться скучной. Но золотое кольцо в пухлой нижней губе и гипнотический золотой оттенок глаз притягивали Женевьеву с греховной силой.

Строгая черная рубашка резко оттеняла алебастровую кожу, а шелковый жилет идеально сидел на мускулистом торсе. Черные брюки со складками тоже сидели безукоризненно – инкрустированный ониксами кожаный ремень красиво подчеркивал талию. На пальцах сверкали обсидиановые кольца – несмотря на четкую, неоспоримую ауру тьмы, во всем его облике сквозила продуманная утонченность. Разительный контраст с безликими кавалерами из ее города, которые почему-то считали небрежность эталоном стиля. И уж точно полная противоположность белокурому мужчине с синими глазами, что являлся ей в кошмарах.

День и ночь.

Женевьева отогнала мысли о Фэрроу, ругая себя, чтопустила его в собственный разум, и снова сосредоточила внимание на незнакомце. Она откашлялась.

– Привет, – поприветствовала она его с лучезарной улыбкой.

Он молчал, разглядывая ее столь же внимательно, – Женевьева чуть не ступевалась под его пристальным взглядом.

Она подняла подбородок.

– Меня зовут Женевьева Гримм.

– И? – протянул он. – Какого черта ты явилась?

Женевьева не ожидала радушного приема, поскольку приехала без предупреждения и после предложенных дат, но гнев в его голосе ее озадачил.

– Можно войти? – спросила она.

– Нет, – ответил он негромко, но твердо. – Что-нибудь еще?

– Да. Мне нужна чертова аудиенция у Баррингтона Сильвера, и я не уйду, пока не получу ее, – заявила она.

На долю секунды ей показалось, что уголки его губ дернулись вверх, но через мгновение он стал еще мрачнее.

– Похоже, ты заблудилась, – сказал он, и в низком голосе сквозила угроза. – Разворачивайся и убирайся туда, откуда ты, черт подери, взялась. Ты нарушила границы.

С этими словами он захлопнул дверь прямо у нее перед носом.

Несколько мгновений Женевьева лишь изумленно хлопала глазами.

Оправившись, она рассерженно хмыкнула и снова схватилась за серебряный молоток. Его манеры ужасны, но она проделала слишком долгий путь, чтобы позволить какому-то хаму ее остановить. Хотелось надеяться, он – просто прислуга и отпугивает всех случайных посетителей.

Хотя он определенно выглядел как некромант.

Она ударила тяжелым молотком один раз, другой, третий. На этот раз распахнулись обе двери – на заднем плане закружился зловещий вихрь теней, создавая дымный ореол вокруг широких плеч незнакомца. Когда тени начали вытекать из дверного проема, Женевьева отпрянула, тяжело дыша, – ее окутали чернильные сгустки. Кожа на руках покрылась волдырями от незнакомой силы, но она твердо стояла на месте, отказываясь сдаваться, хотя инстинкты кричали – надо бежать.

Если Офелия не скрывала от меня каких-то способностей, можно с уверенностью сказать: он вовсе не некромант.

– Неужели не ясно: тебе здесь не рады? – прорычал он.

– А тебе, похоже, не ясно, как обращаться с гостями, – парировала она чуть эмоциональнее, чем ей хотелось. – Но как я уже сказала, у меня есть письмо от владельца поместья с приглашением в Энчантру. И не пытайся убедить меня, что я ошиблась местом. Название написано на воротах.

– Хорошо, – согласился он, сложив руки на груди. Тени по-прежнему извивались вокруг, словно змеи, готовые нанести удар. – Может, тогда покажешь приглашение?

Женевьева обшарила карманы, но конверт не нашла. И тут ее осенило. Лисица.

Она снова глянула на незнакомца – вместо хмурого выражения на его губах появилась насмешливая ухмылка.

– Ты прекрасно знаешь, где мое приглашение, – заявила она, ткнув пальцем ему в лицо.

Он промолчал, и когда она нетерпеливо топнула ногой, блеск в его взгляде сменился подобием веселья. Хотя плотно сжатые челюсти говорили об обратном.

– Так откуда она? – Женестьева уперла руку в бок. – Лисица. Это какая-то магическая иллюзия? Дрессированный питомец? Или это ты? Ты умеешь менять облик? Кто ты?

Потому что, некромант или нет, простым человеком он определенно не был. И хотя выглядел всего на несколько лет старше нее, энергетика незнакомца заставляла задуматься: не обманчива ли его молодость?

– А ты? – парировал он. – Ну, помимо источника проблем. Как, черт возьми, ты во второй раз пробралась за ворота?

– Ага! – удовлетворенно воскликнула она. – Это ты вернул меня на другую сторону, когда я потеряла сознание. Ты не собирался убедиться, что я проснулась? Что я не умерла?

– Если бы ты умерла, мне было бы плевать, – заявил он, и в необычных золотых глазах промелькнула скука.

– Ты жуткий хам, – прокомментировала она, сморщив нос. – Ведешь себя ужасно.

Его губы тронула улыбка, не предвещавшая ничего хорошего.

Он наклонился – их глаза оказались на одном уровне, а носы почти соприкоснулись.

– Не хочешь терпеть мое поведение? Уходи.

Женестьева сжала кулаки.

– Нет. Я же сказала – я не уйду, пока не поговорю с мистером Сильвером. И главное, не удостоверюсь, что наложенная на меня порча снята. Ты знаешь, каково это – когда тебя всюду преследуют сотни кричащих птиц?

Он посмотрел на нее с усмешкой.

– Столь же приятно, как этот разговор?

– Меня пригласили сюда, и ты это знаешь, – продолжила она, оставив без внимания его замечание.

– Кажется, приглашена была некая Тесси. И ее отдельно попросили прибыть до кануна равноденствия, – возразил он. – Время вышло, и ты сказала, тебя зовут Джунипер...

– Женестьева, – поправила она.

– ...значит, приглашение к тебе вообще никак не относится. Предупреждаю в последний раз – уходи.

На этот раз удар двери перед ее носом показался менее неожиданным.

Она простояла целую минуту, размышляя, стоит ли рисковать и покинуть поместье, не убедившись, что проблема с воронами решена. Незнакомец совершил ошибку, пробудив ее любопытство – и упрямство, – и Женестьева поняла, что ей гораздо интереснее выяснить, почему он столь упорно не желает впускать ее в дом. Кроме того, она сомневалась, что готова столь спокойно отдать ему победу.

«Я должна найти таких же, как я, – напомнила она себе. – Если я встречу Баррингтона и покажу ему фотографию, уверена, он захочет мне помочь».

К тому же что она теряет? Оказаться столь близко к желанной цели и трусливо сбежать – или столкнуться с очередным невыносимым мужчиной?

«Таких пруд пруди», – подумала Женестьева.

Подобрала вещи, растворилась в воздухе и без лишних колебаний прошла сквозь дверь. Появившись на другой стороне, она бросила чемоданы на серо-белый клетчатый пол фойе, ожидая увидеть неприветливого незнакомца. Но вокруг не оказалось ничего, кроме зловещей тишины.

5. Спектр

Фойе было грандиозным – на такое способны лишь люди, у которых денег больше, чем они могут потратить. Мозаика на потолке изображала ночное небо с бриллиантами вместо сверкающих звезд. Верхнюю часть стен покрывали росписи насыщенных цветов – картины итальянской провинции. Сияющие вкрапления золотой фольги подчеркивали контуры облаков и цветущие деревья. Нижнюю половину покрывали самые роскошные деревянные панели, что она когда-либо видела, – их обрамляли узкие планки насыщенного темно-синего цвета.

Однако главным украшением интерьера определено была люстра. Шесть ярусов грушевидных кристаллов отбрасывали блики радужного света. Конические свечи виднелись в изысканных бра, висящих вдоль стен. И каждый сантиметр зала покрывала пыль.

Увядаящая роскошь. Какое расточительство.

В дальнем конце фойе возвышались огромные деревянные двери, обрамленные двумя мраморными колоннами. Слева был коридор, который, казалось, вел в центральную часть виллы. Вдоль передней стены тянулись окна, пропускающая естественный свет – или, в данном случае, сумрак снежной бури – сквозь шторы насыщенного сливового оттенка. На каждой стене висели большие прямоугольные рамы, затянутые серо-коричневой тканью, – Женестьева невольно приблизилась к одной из них, недоумевая, зачем закрывать произведения искусства. Но, откинув плотную ткань, она увидела, что это вовсе не картина, а посеребренное зеркало.

Как странно...

Справа был еще один коридор – по его левой стене тянулся ряд дверей. Напротив висели огромные, написанные маслом портреты в серебряных рамах. Женестьева направилась в коридор, надеясь найти кого-нибудь в одной из комнат, но первый же портрет привлек ее внимание и заставил остановиться.

Девушка на портрете была ненамного старше Женестьева – с белоснежными волосами до талии и небрежной челкой, лежащей по обе стороны лба и обрамляющей лицо. Черные как смоль глаза с густыми ресницами резко контрастировали с бледным лицом. Как и винного цвета губы – сжатые, будто она знает какой-то неизвестный зрителю секрет. Она расположилась в серебристом бархатном кресле, одетая в светло-голубое платье, а у ее ног сидел снежный барс.

Женестьева дважды моргнула, глядя на большого пятнистого кота.

«Явно не домашняя киска», – подумала она, подходя к следующему портрету.

На нем был изображен мужчина, очень похожий лицом на девушку с предыдущей картины. Но его непослушные локоны были цвета чернил, почти иссиня-черные – он заправил их за уши, с которых свисали крупные сапфировые серьги. А глаза... бледно-серые, почти белые.

Женестьева вздрогнула. «А мне еще казались жуткими глаза Офи...»

Мужчина сидел в том же кресле, что и девушка, возле его ног не было барса – зато на плече сидела черная сова. Ее взгляд словно следовал за зрителем.

Прежде чем Женестьева успела добраться до следующей картины, сверху раздался глухой стук. Она поспешила обратно в фойе, надеясь отыскать лестницу, которая приведет ее к источнику шума. Хотелось надеяться, что это владелец поместья. Или, по крайней мере, не златоглазый незнакомец.

Теперь она заметила, что двойные двери чуть приоткрыты. Подошла, распахнула одну из них и замерла, окинув взглядом помещение. Огромный бальный зал. Вроде тех, что она представляла в качестве декораций для собственных грез.

Высокий потолок был украшен яркими фресками с изображениями битв между различными паранормальными и эфемерными существами: дьяволы с красными когтями разрывали на части оборотней в процессе превращения, эфирии, проливающие мерцающую кровь в пасти вампиров, ангелы, отрывающие друг другу крылья. Стены были задрапированы золотыми шторами, открывавшими высокие арочные окна, сквозь которые проникали серебристые лучи, освещая мраморный танцпол и очередной ряд закрытых зеркал на стене напротив. Между двумя окнами висели огромные позолоченные часы. Римские цифры, обозначавшие время, располагались в двенадцати больших кругах, черных, за исключением текущего часа – четвертого, – который был золотым, как циферблат. А в дальнем углу балльного зала виднелось именно то, что искала Женевьева, – парадная лестница. Ступени вели на второй этаж, на балкон, окружавший танцпол с трех сторон.

Женевьева направилась к покрытой ковром лестнице, опустила пальцы на позолоченные перила и оставила в густой пыли чистый след, поднимаясь и высматривая в тених что-нибудь живое. Добравшись до площадки, она краем глаза заметила подобие дыма.

И резко повернулась к лисице.

– Ты.

Лисица насмешливо взмахнула хвостом, развернулась и убежала. Женевьева бросилась следом, резко повернула налево и оказалась в широком коридоре с закрытыми дверями. Она прищурилась, вглядываясь в темноту, но зверь либо идеально сливался с тенями, либо исчез.

– Эй? – крикнула Женевьева, медленно шагая по коридору. – Есть здесь кто-нибудь?

Она подошла к первой двери справа, повернула ручку и с удивлением обнаружила, что она не заперта. Комната оказалась... пустой. Ни кровати, ни мебели – лишь белые стены. Она закрыла дверь и проверила следующую комнату. Пусто.

Какая странная трата пространства...

– Кто ты, черт подери, такая? – прошипел кто-то.

Женевьева отпрянула от порога пустой комнаты и, обернувшись, увидела в начале коридора силуэт. К ней обратились на языке, который Женевьева не знала и уж точно не должна была понимать, но каждое слово звучало в голове кристально ясно.

Когда силуэт приблизился, Женевьева поняла – это девушка с картины. Только призрачно-белые волосы теперь подстрижены в гладкий боб и едва достигают плеч, развеваясь от стремительности ее шага.

– Как ты сюда попала? – строго спросила девушка на том же языке, окинув взглядом потрепанное платье Женевьевы.

– Через парадную дверь, – ответила Женевьева, разглаживая руками лиф. Должно быть, она выглядит ужасно неопрятно. Определенно не лучшее первое впечатление.

Девушка фыркнула.

– Ну и наглость. Если ты одна из гостей Нокса – ты рано. И совершенно облажалась. Охота завтра.

Охота?

– Впрочем, ты на нее не попадешь – твои похороны состоятся сегодня вечером, – добавила девушка слишком беспечным для произнесенных слов тоном.

– Не понимаю, о чем ты, – ответила Женевьева. – И почему я вообще тебя понимаю? Ты же говоришь не по-английски...

– Ты что, спятила? – спросила девушка, теперь уже с искренним беспокойством вглядываясь в лицо Женевьевы. – Как ты вообще здесь оказалась?

О.

– Черная лисица...

– Умбра? – Девушка подозрительно прищурилась. – Тебя впустил Роуингтон?

Умбра. Роуингтон.

Женевьева запомнила эти имена на будущее.

– Впустил – не совсем подходящее слово...

– Эллин? – раздался из-за угла глубокий голос, и на мгновение у Женевьевы внутри все тревожно сжалось из-за предстоящей ссоры, но когда они с Эллин обернулись, Женевьева с облегчением обнаружила, что это вовсе не златоглазый ублюдок. Нет – незнакомец был немного тоньше, с идеально зачесанными назад иссиня-черными волосами, чуть укороченными на висках. Его грудь, видневшаяся из-под полурасстегнутой рубашки, была покрыта татуировками в виде грубых зарубок – как и запястья под манжетами. Но самой поразительной чертой были его малиновые глаза.

Ну, не считая того факта, что он, пожалуй, был самым привлекательным человеком, которого когда-либо видела Женевьева. Честно говоря, он был просто поразительно красив. Настолько, что она даже покраснела.

– Эллингтон, ты теряешь время, – протянул мужчина, неторопливо приближаясь к ним. Из уголка его губ торчала палочка от леденца. Женевьева снова отметила: он говорит на том же языке, что и девушка, и она с легкостью его понимает. – Роуин уже убрал наши комнаты, и он рассердится, если узнает, что у меня кровь по всему...

Мужчина резко умолк, наконец заметив Женевьеву, и перевел взгляд на Эллин – алые глаза сузились, в них явно читался братский упрек. Женевьева почти не сомневалась: он действительно брат этой девушки. Не только из-за явного сходства – острые носы, форма глаз и губ, жалостливые, осуждающие взгляды, – но и из-за особого выражения лица, какое бывает только у братьев или сестер, готовых помочь тебе убрать беспорядок в обмен на ответную услугу. У Офелии частенько бывало такое в детстве.

– Какого черта, Эллин? – сказал мужчина, вытаскивая изо рта вишнево-красный леденец. – Ты снова оставила врата ада открытыми? За последние два столетия тебе не надоело смотреть, как Нокс убивает людей?

Черт возьми, о чем он?

Эллин уперла руки в бедра.

– Я ее не впускала. Я просто обнаружила ее здесь, придурок. Это Роуина надо спросить...

– Роуина? – перебил он, недоверчиво подняв брови.

Эллин пожала плечами.

– Она упомянула Умбру.

Мужчина перевел взгляд на Женевьеву.

– Ты здесь с Роуином?

– А если да? – спросила Женевьева в основном потому, что не совсем понимала, к чему они клонят, но все услышанное тревожно звенело в глубине сознания.

«Разве за последние два столетия тебе не надоело смотреть, как Нокс убивает людей?»

Нокс. Это имя упомянул в письме Баррингтон. Что-то о небольшом перерыве от обязанностей перед Ноксом.

– Если ты с Роуином, у меня есть несколько вопросов, – сказал мужчина, переходя на английский столь же легко, как Эллин. – А если нет, думаю, будет гуманнее избавить тебя от страданий, прежде чем тебя обнаружат Нокс или Грейв.

Он буднично вытащил из-за пояса клинок.

– Севин, не на ковер, – вздохнула Эллин.

Женевьева старалась не реагировать, несмотря на учатившийся пульс и скрытую в его словах угрозу. Что, черт возьми, с обитателями этого дома?

– Я с Роуином, – выпалила Женевьева, когда Севин переступил с ноги на ногу, дожидаясь ответа.

– Замечательно, я и так пролил слишком много крови, – признался Севин, а Эллин спросила:

– С Роуином в каком смысле?

Прежде чем Женевьева успела ответить, снизу раздался крик. Брат и сестра обменялись многозначительными взглядами.

– Похоже на Грейва? – предположила Эллин.

Женевьева осторожно шагнула назад. Казалось, они ничего не заметили.

От улыбки, появившейся на губах Севина, стыла в жилах кровь.

– Хочу лицезреть лицо Грейва, когда он ее увидит.

Эллин фыркнула.

– Что, черт возьми, задумал Роуин? Он же не пытается...

Женевьева перешла в невидимое состояние и не стала дослушивать разговор: проскользнула мимо них и поспешила обратно к лестнице. Она пронеслась через бальный зал, облегченно выдохнула, вернувшись в фойе, и задержалась, лишь чтобы забрать чемоданы. Но прежде чем она успела ухватиться за ручки, ее прижали к стене.

Она подняла взгляд и увидела разъяренные янтарные глаза.

Роуин.

Женевьева попыталась ускользнуть, но он просто прижал ладони к стене по обе стороны от нее – она оказалась в ловушке.

Он начинал по-настоящему раздражать.

– Ты спектр? – процедил он сквозь зубы.

– А тебя это беспокоит? – выпалила она, горя желанием просунуть между его ног колено и заставить ее пропустить.

– Меня беспокоит, что ты явно ни черта не умеешь слушать, – прорычал он, возвращая ее в реальность. – Если бы я знал, что ты способна пройти сквозь защиту ворот, то не стал бы помогать тебе оправиться от демоники. Ты вообще представляешь, что натворила? В какую игру ты сейчас играешь? Подозреваю, что нет, иначе ты бы никогда сюда не пришла.

– Проклятье, да в чем проблема? – выпалила она, призвала магию и проскользнула сквозь него. Он развернулся. – И почему твои брат и сестра угрожают избавить меня от страданий? Что с вами такое?

– Не задавай вопросов, на которые не хочешь получить ответы, – предостерег он.

– О, поверь, я умираю от желания услышать нелепое объяснение твоих ужасных манер, – съязвила она. – Я выросла в доме, наполненном мертвецами, и он был менее враждебным, чем этот. Вас вырастили животные с ваших портретов? У вас бешенство? Или мне поискать воду?

Он долго смотрел на нее с непроницаемым видом. А потом спросил:

– Ты видела моих брата и сестру?

Женевьева подняла бровь от резкой смены темы, но все же кивнула.

– Эллин и Севин, верно?

– Кого-нибудь еще?

– Слава богам, нет. А то пришлось бы использовать пальцы обеих рук для пересчета угроз, полученных за последние полчаса, – пробормотала она. – А кто такой Нокс? И Грейв? Что за Охота? Где Баррингтон Сильвер? Почему они говорили со мной на языке, которого я не знаю, но я их каким-то образом понимала?

– Скоро ты получишь ответы, – пообещал он почти угрожающим тоном. – Надеюсь, тебя никто не ждет. Родитель или супруг, который...

Он осекся и замер – внезапно его взгляд заставил Женевьеву переступить с ноги на ногу. Его глаза потемнели, когда он посмотрел на ее... руки?

Она опустила глаза на замшевые перчатки. Нежно-розовые и с меховой оторочкой – определенно ее любимые из-за маленьких перламутровых пуговок. Впрочем, вряд ли он восхищался искусной работой.

– Ты замужем? – уточнил он, пристально посмотрев на безымянный палец левой руки.

Женевьева прижала ее к груди.

– А тебе какое дело?

Какой странный вопрос.

В уголках его губ начала расплзаться улыбка, усиливая ее тревогу.

– Ты не представляешь, как влипла.

– Тогда я пошла, – заявила Женевьева, но когда она попыталась сделать шаг к чемоданам, он снова преградил ей путь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.